

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА . 1940 . ЛЕНИНГРАД

ОБ ОДНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Поставленная в настоящее время в Институте истории Академии Наук СССР работа по изданию документов по истории отдельных народов Союза вызывает необходимость критического обзора оставленного дореволюционной археографией наследства. Настоящая заметка касается той его части, которая дает документальный материал по истории среднеазиатских республик.

Среди дореволюционных публикаций документов по истории Средней Азии самое крупное место занимает издававшийся перед самой войной и в первые годы войны в Ташкенте штабом Туркестанского военного округа многотомный сборник материалов по истории завоевания Средней Азии. Его первые четыре тома, заключающие документы 1839—1843 гг., вышли в 1908—1914 гг. под заглавием: „Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края“ и с надписью: „Не подлежит оглашению“. С пятого тома „Сборник“ стал издаваться без этой надписи и под несколько измененным названием: „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания“. В 1913—1915 гг. вышли томы V—VIII и XVII—XXII, охватывающие 1844—1852 гг. и — с промежутком — 1864—1866 гг. Таким образом всего вышло 14 томов, по 20—30 печ. листов каждый. Все же издание было рассчитано на 30 томов и должно было доходить до 1876 г. — года окончательного покорения Кокандского ханства. В 1909 г., кроме первого уже напечатанного тогда тома, 18 вполне готовых были сданы составителем и хранились в архиве Туркестанского окружного штаба, а остальные подготавливались к сдаче и, надо думать, были в ближайшие годы сданы. Подготовленные, но не изданные томы, вероятно, и сейчас хранятся в ташкентском архиве.

Появление „Сборника“ не вызвало никаких откликов в современной исторической и военно-исторической литературе, и

столичные историки просто не знали об его существовании.¹ „Сборник“ был буквально „открыт“ академиком В. В. Бартольд во время его научных командировок в Среднюю Азию. В отчете о командировке 1916 г. В. В. Бартольд бегло упоминает о „Сборнике“; в отчете о командировке 1920 г. он сообщает о нем подробные сведения и высказывает пожелание, чтобы появились в свет и остальные подготовленные томы: „Крайне желательно, чтобы были выпущены в свет недостающие томы „Сборника“.² О необходимости допечатания „Сборника“ академик Бартольд говорил еще несколько раз в своей статье в I томе „Записок коллегии востоковедов“³ и в вышедшем в 1925 г. втором издании книги „История изучения Востока в Европе и в России“.⁴ Но несмотря на сообщенные В. В. Бартольдом подробные сведения о „Сборнике“ и несмотря на то, что он вошел в „Библиографию по Средней Азии“ Н. Я. Виткина 1929 г., обширный документальный материал „Сборника“ до сих пор еще совершенно не использован исследователями, и „Сборник“ до сих пор остается очень мало известным, что в значительной степени объясняется его редкостью — так, даже Публичная библиотека им. Ленина не имеет его полного комплекта. Это оправдывает появление настоящего обзора.

В Центральном военно-историческом архиве в Москве сохранились 3 дела о составлении и издании интересующего нас „Сборника“.⁵ Они дают, хотя и не полностью, его историю и раскрывают организацию работы над ним. На этой стороне дела стоит остановиться, как потому, что она не лишена любопытных черт, так и потому, что знакомство с приемами работы над „Сборником“ помогает дать его оценку.

Вопрос об издании сборника документов по истории завоевания Средней Азии был поднят в 1901 г. тогдашним военным

¹ Так, не знал о „Сборнике“ М. А. Полиевктов, который ничего о нем не упоминает ни в своем обзоре источников николаевского царствования в книге „Николай I“ (М., 1918), ни в статье: „Литература по внешней истории России XVIII—XIX вв. за 1900—1915 гг.“, напечатанной в 1916 г. в „Исторических известиях“, т. I. Не упоминает о сборнике и такой специальный труд, как вышедшая в 1915 г. книга С. В. Жуковского „Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие“.

² В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 г. Известия Акад. Наук, 1916, стр. 1241.

В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920. Известия Российской Акад. Наук, VI серия, т. XV, 1921, стр. 192—193.

³ В. Бартольд. Туркестанская гос. библиотека и местная мусульманская печать. Записки коллегии востоковедов, т. I, 1925, стр. 100.

⁴ Стр. 263.

⁵ ЦВИА, ВУА, № 45081: „Об издании материалов по завоеванию Туркестана“ 1901—1905 гг. (дело Военно-учен. ком-та Главного штаба); ВУА, № 42636: „О собирании полковником Серебряниковым материалов для истории завоевания Туркестанского края“, 1903—1905 гг. (дело Архивно-историч. отделения Главного Штаба); ВУА, № 38260: „Об издании истории завоевания Туркестанского края“ 1909—1910 г. (дело Военно-историч. отделения Главного управления Генерального штаба).

министром А. Н. Куропаткиным во время его поездки в Ташкент. Интерес Куропаткина к такому предприятию понятен: он начал свою военную карьеру в Средней Азии в 1860-е годы, участвовал в ряде походов и служил там многие годы, занимая ответственные посты; истории завоевания Средней Азии посвящены его труды — „Туркмения и туркмены“ (СПб., 1879) и „Завоевание Туркмении. (Поход в Ахал-теке в 1880—1881 гг.)“ (СПб., 1899). Очевидно именно Куропаткиным были определены хронологические рамки „Сборника“—1839—1876 гг.: его книга „Завоевание Туркмении“ начинается „Очерком военных действий в Средней Азии“ как раз за этот период. Организацию работы над „Сборником“ Куропаткин поручил тогдашнему туркестанскому генерал-губернатору ген-лейт. Н. А. Иванову, также непосредственному участнику завоевания Средней Азии, служившему там с 1860-х гг., но сколько знаю, ничего не писавшему.¹ Им была составлена докладная записка о предполагаемом издании и подыскан его составитель. Несмотря на большой объем предстоящей работы, был выбран не коллективный, а индивидуальный принцип работы. Составление „Сборника“ было поручено военному инженеру полковнику А. Г. Серебренникову, занимавшему тогда пост начальника Семиреченской инженерной дистанции. Серебренников не имел, конечно, никакого специального исторического образования. Выбор остановился на нем очевидно потому, что он до того уже выступал в печати: в 1894 г. он участвовал в отправленной на Памир военно-рекогносцировочной партии и после этого поместил в „Военном Сборнике“, „Инженерном журнале“ и „Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии“ несколько очерков Памира, Шугнана и Ферганской области военно-топографического и военно-технического характера.² Мне известна только одна его статья на историческую тему: „К истории кокандского похода“, напечатанная в „Военном сборнике“ за 1897 и 1899 гг.³ Статья эта написана на основании местных архивов, но носит узкий военно-исторический характер. По окончании работы над „Сборником“ Серебренников вернулся к своей специальности военного инженера, был начальником Ташкентской инженерной дистанции и в 1914 г. — начальником управления по квартирному довольствию войск

¹ Его некрологи см.: „Исторический вестник“, 1904, № 8; „Правит. вестник“, 1904, № 116; „Биржевые ведомости“, 1904, № 252, и в других изданиях.

² Военн. инж. капит. Серебренников. Очерки Шугнана. Сб. геогр., топогр. и историч. материалов по Азии, вып. 70, 1896, стр. 1—52; А. Серебренников. Очерк Шугнана. Военный сборник, 1895, № 11; А. Серебренников. Очерк Памира. Там же, 1899, №№ 6—10; А. Г. Серебренников. Памир и Памирские ханства. Инженерный журнал, 1894, №№ 11—12; А. Серебренников. Очерк строительных материалов Ферганской области и Памира. Там же, 1894, № 9.

³ 1897, № 9; 1899, № 4.

Приамурского военного округа.¹ Ничего в области истории или военной истории он в последующие за работой над „Сборником“ годы, повидимому, не писал.

Серебренникову были даны Ивановым „надлежащие указания“ к работе, к сожалению до нас не дошедшие. Был составлен большой план работы по разысканию архивных материалов. Предполагалось обследовать архивы Петербурга, Москвы, Ташкента, Верного, Омска, Оренбурга и Тифлиса. За четыре года работы, 1902—1905 гг., эта программа была выполнена почти целиком, — не состоялась только поездка в Тифлис. Серебренниковым были пересмотрены следующие архивные фонды: в Ташкенте — Туркестанский окружной архив и фонд канцелярии туркестанского ген.-губернатора; в Верном: фонды штаба войск Семиреченской обл., областного правления Семиреченского казачьего войска, управления верненского уездного воинского начальника и верненского уездного управления; в Омске — фонды штаба Сибирского военного округа и Сибирского отдельного корпуса; в Оренбурге — штаба Оренбургского военного округа и Оренбургского отдельного корпуса; в Петербурге архивы: министерства иностранный дел, Морского министерства, канцелярии военного министра, Главного инженерного управления, общий архив Главного штаба и Военно-ученый архив; в Москве — Московское отделение архива Главного штаба. Вся работу по просмотру и отбору материала производил сам Серебренников. Дела Военно-ученого архива сохранили следы его довольно бесцеремонной работы: отобранные документы Серебренников отмечал красным или синим карандашом и подчеркивал для копииста слова, которые нужно было внести в заголовок, составлявшийся очевидно переписчиками. Сверял переписанные тексты отчасти Серебренников же, но главным образом его помощники, три офицера, откомандированные из полков для работы в архив в порядке служебного назначения. К 1906 г. вся основная работа по отбору и снятию копий была окончена, и Серебренников вернулся к своей основной службе. Первый том документов был напечатан только в 1908 г., уже после смерти ген. Иванова при преемнике его Тевяшеве. В дальнейшем печатание очень затянулось, так как были исчерпаны отпущенные на „Сборник“ кредиты, а новые удавалось получать с трудом. В 1915 г. издание оборвалось не оконченным, хотя, как указывалось выше, материал для всех 30 предполагаемых томов был собран.

Таким образом „Сборник“ был официальным изданием, предпринятым по инициативе военных — непосредственных участников завоевания Средней Азии — и выполнявшимся также военными людьми. Отсюда название „Сборника“ — „Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края“ и

¹ См. Адрес-календарь на 1900—1914 гг.

основная цель его издания — прославление завоевательной политики царского правительства, цель, определенная и в предисловии к „Сборнику“ и в связанных с его печатанием документах: „ознакомление общества со славными страницами нашей истории“, „изучение военных действий по завоеванию Туркестанского края как уроков прошлого, как примера того, как с ничтожными средствами можно достигнуть громадных результатов“.

Введенное в заголовок „Сборника“ название „Туркестанский край“ понималось составителем очень широко, как Средняя Азия вообще, и задачей „Сборника“ было дать картину наступательного движения на Среднюю Азию как со стороны Каспийского моря, так и со стороны оренбургской и сибирской линий. Серебренниковым был обследован огромный архивный материал на эту тему. Но самый размах предприятия повел к его неудаче: Серебренников не сумел разобраться в массе поднятого им сырого материала, выделить существенное и систематически осветить наиболее значительные стороны истории продвижения в Среднюю Азию, хотя бы в рамках военной стороны этой истории. Приглядываясь к тому, как он работал над составлением своих томов, мы улавливаем один очень примитивный прием, который особенно заметен в первых 9 выпусках: часто Серебренников выбирает для тома какое-нибудь одно крупное дело, чаще всего из дел Военно-ученого архива, и печатает его целиком, документ за документом (за исключением разве самых незначительных); это дает ему основу тома, которую он затем несколько пополняет и разнообразит документами других дел и архивов. При таком приеме в „Сборник“ вводилось очень много документов мало значительных, и, наоборот, в нем оказывались не освещенными очень важные факты и события той же военной истории, которая так интересовала составителя. Например, годы 1844—1845—1846 заполнены огромным многотомным делом Военно-ученого архива: „По рапорту командующего Отдельным сибирским корпусом о предположениях ген.-м. Жемчужникова для действий в киргизской степи на будущее время. Тут же об устройстве в киргизской степи 3-х укреплений“. Из этого дела в „Сборник“ попала масса документов, касающихся технической стороны постройки степных укреплений, их снабжения, ведомственная переписка по этим вопросам, заключающая много мелочей. Но указанное дело освещало наступательные движения за 1844—1846 гг. только со стороны степи. Между тем в те же годы шла постройка Ново-Петровского укрепления на Мангишлаке, вызвавшая большие осложнения с Хивой, ряд враждебных действий со стороны хивинцев, попытки их поднять против России кайсаков и туркмен. Все эти события очень подробно освещены в делах того же Военно-ученого архива, но их Серебренников оставил в стороне. Между тем для более ранних годов он очень подробно использовал дела, относящиеся к обследованию Мангишлака и к подготовке

постройки там укрепления. Такого рода провалы встречаются в „Сборнике“ постоянно.

Как указывалось выше, Серебrenиков работал в архиве министерства иностранных дел, и в его сборнике напечатан ряд документов этого архива. Обращение к архиву МИД выводило Серебrenикова из круга узко военных вопросов и, казалось бы, должно было обогатить его сборник документами, освещающими вопросы продвижения на Среднюю Азию с более широких точек зрения — общей политики и международных отношений. Но этого как раз не случилось. Архив МИД использован Серебrenиковым в самой слабой степени. Возможно, что это не только его вина: Серебrenиков был допущен к занятиям в архиве МИД „с тем условием, чтобы из предполагаемого издания были исключены бумаги, опубликование коих представляется неудобным по политическим соображениям“. Можно думать, что Серебrenикову в архиве МИД давали далеко не все. В его сборнике более или менее систематически использован материал по двум описям Азиатского департамента МИД — как раз наименее интересным — о посольствах к средне-азиатским владельцам и о приеме среднеазиатских послов. В делах этих описей очень много документов чисто официального порядка, касающихся внешней стороны и скрывающих за официальной парадной терминологией действительные мотивы и отношения. Такая основная опись, как опись 1—9, заключающая особенно важные и интересные дела, использована чрезвычайно слабо. Поэтому в „Сборник“ не попали многие основные документы, общие записки, проекты, определяющие планы и программы действий русского правительства в Средней Азии или касающиеся вызванных наступательными действиями в Средней Азии осложнений в международных отношениях, особенно с Англией и Персией. Повидимому, даже тогда, когда подобного рода документы попадали в руки Серебrenикова, он не понимал их значения. Так, он опускает составленную в 1840 г. в МИД записку о положении дел в Афганистане, отражающую меры, предпринятые в Афганистане Англией в противовес русскому движению на Хиву, и предположения русского министерства по этому поводу, и дает такую мотивировку этому прпуску: „Записка о положении дел в Афганистане не представляет особого интереса и здесь не прилагается“.¹

Слабое использование в „Сборнике“ архива МИД объясняется еще одним обстоятельством. Как известно, огромное количество документов МИД написано на французском языке. Но Серебrenиков или не знал сам французского языка, или не хотел усложнить работы подыскиванием переводчиков или знающих французский язык копиистов. Во всяком случае, он брал в „Сборник“ только документы, написанные по-русски. По-

¹ Сборник, т. II, № 64.

нятно, что при таком приеме ни о каком сколько-нибудь полном и систематическом использовании дел МИД не могло быть и речи, и из просмотренных Серебренниковым дел МИД документы попадали в „Сборник“ не по признаку их интереса и значительности, а лишь в том случае, если они были написаны по-русски. Например в „Сборнике“ использовано дело Азиатского департамента МИД 1842 г. о посольстве Данилевского в Хиву. В этом деле наибольший интерес представляют собственноручные донесения Данилевского графу Нессельроде, дающие подробный отчет о ходе переговоров с хивинским ханом по ряду самых существенных вопросов. Но все эти донесения писаны по-французски и поэтому в „Сборник“ не вошли, а незначительные русские документы того же дела оказались в него включенными. Отказ от пользования французскими текстами вел к прямым курьезам: например, при использовании дела о посольстве 1842—1843 гг. хивинца Магомед-Эмина взята привезенная им грамота мяхтера графу Нессельроде, но не напечатанная грамота хивинского хана Николаю I. Это объясняется тем, что в деле грамота мяхтера переведена на русский язык, а грамота хана — на французский.

Работа по обследованию архивных фондов, проведенная сотрудниками Института истории, в достаточной степени выяснила, как интересно и богато освещена в архивных документах экономическая сторона наступления на Среднюю Азию. В Серебренникове эта сторона не вызвала интереса, да она и не входила в задачу его труда. Поэтому он не обратился совсем к таким архивам, как архив министерства финансов, не были использованы им и те описи Азиатского департамента МИД, которые специально посвящены вопросам торговли с Средней Азией и экономической заинтересованности российских торговопромышленных кругов в ее завоевании. Больше того — часто, когда Серебренников встречал в использованных им делах документы, касающиеся специально экономических вопросов, он их опускал с трафаретным указанием: „Сведения эти не представляют в настоящее время интереса и поэтому здесь не приводятся“. Однако нельзя сказать, что он проводил это систематически, и кое-какие интересные документы экономического содержания в „Сборник“ все же попали. Но документы эти в „Сборнике“ случайны и они не дают сколько-нибудь полной и связной картины.

Само собой понятно, что у Серебренникова не было специального интереса к тем народностям и странам, на которые шло царское наступление. Так, встретив в приложении к одному документу подробный список киргизских и туркменских старшин, он его опустил с той же трафаретной оговоркой: „Список адайцев и пр. не прилагается, так как не представляет интереса“.¹ Не вошли совсем в „Сборник“ и те материалы описательного

¹ Сборник, т. I, № 18.

характера, которые отлагались в делах Генерального штаба в результате посольств и экспедиций в среднеазиатские ханства и которые, на ряду с военно-топографическими сведениями, давали — и иной раз подробные и ценные — географические, статистические и этнографические обзоры, составленные на основании личных наблюдений.

Зато колониальная политика царского правительства оказалась освещенной в документах „Сборника“ чрезвычайно ярко. Повидимому, составитель „Сборника“ сам не понимал, какие темные иной раз картины изображают документы, собранные им для „освещения славных страниц нашего прошлого“. Так, он широко использовал дела, касавшиеся борьбы с так называемыми „мятежными“ или „хищными“ киргизами. Им почти целиком перепечатано дело Военно-ученого архива о борьбе с движением в степи, возглавлявшимся Кенисарой Касимовым.¹ Но благодаря тому, что в вопросе о действиях в оренбургской степи министерства военное и иностранных дел очень расходились, и благодаря соперничеству тогдашних оренбургского и сибирского военных губернаторов Обручева и Горчакова, резко критиковавших друг друга в своих рапортах министерству, документы дают чрезвычайно яркую картину произвола действовавших в степи русских военных начальников и беспощадных карательных экспедиций, которые к тому же часто обрушивались на аулы, не находившиеся в связи с „мятежниками“, но подвергавшиеся тем не менее самому беззастенчивому грабежу со стороны казачьих отрядов. И все это Серебренников дает в своем „Сборнике“, не исключая документов, исходивших от киргизских султанов, которые жаловались на действия царских отрядов. Такой состав „Сборника“ не мог не отразиться на его судьбе. Когда в 1905 г. начальник штаба Туркестанского военного округа Евреинов запросил военного министра Поливанова: „Следует ли пускать в продажу сборник материалов“, тот ответил: „Если, как это надо полагать, в тексте издания не имеется материалов, не подлежащих оглашению, то распространение Сборника путем продажи, как способствующее ознакомлению общества со славными страницами нашей истории, только желательно...“ Между тем, первые 4 тома были выпущены с надписью „Не подлежит оглашению“, I том был напечатан всего в количестве 100 экз.,² „Сборник“ совершенно не получил распространения, и издание его не было доведено до конца.

Теперь несколько слов о чисто археографической стороне издания. Конечно археографическая обработка документов, проведенная военным инженером и прикомандированными к нему из полков офицерами, должна была оказаться неудовлетвори-

¹ Но посвященное тому же движению огромное дело Азиатского Департамента МИД, дополняющее дело ВУА, осталось вне поля его зрения.

² Тираж остальных томов мне неизвестен. По всей вероятности они также печатались в очень ограниченном количестве экземпляров.

тельной. В дальнейшем я дам примеры встречающихся в издании ошибок и характеристику археографических приемов составителя, так как знакомство с этой стороной „Сборника“ необходимо при использовании его материалов исследователем.¹

В повторяющемся дословно в каждом томе коротком предисловии Серебrenиков так определяет принятые при издании документов археографические приемы: „Решено было издавать материалы в сыром, совершенно необработанном виде, в виде точных копий не только самих документов, но и резолюций на них, надписей и пометок, имеющих нередко весьма важное значение“. В действительности же это решение вовсе не исполнялось. Правда, по моим наблюдениям, вошедшие в „Сборник“ документы напечатаны полностью — при проверке мне ни разу не пришлось уличить составителя в каких-либо сокращениях текста документов, в том числе тенденциозного и цензурного характера, и это огромное достоинство издания. Но язык документов систематически подвергался некоторой правке, „облагораживанию“ и подновлению. Что же касается резолюций, надписей и помет на документах, то приходится сказать, что здесь „Сборник“ совершенно не следует возведенному в предисловии решению. Пометы и надписи на документах (которыми особенно богаты дела военного министерства, и которые часто представляют чрезвычайно большой интерес), как правило, опущены совсем без каких-либо на это указаний.² Резолюции воспроизводятся, но далеко не всегда, а если воспроизводятся, то большей частью неудовлетворительно. Между прочим работавшие над „Сборником“ совершенно не научились различать царские резолюции и в тех случаях, когда они не сопровождаются надписью, что резолюция царская, частенько их опускали без всякой оговорки, особенно если они писаны карандашом. Печатая неподписанную резолюцию, составитель обычно не дает никаких указаний, чья она; это в равной степени относится и к царским резолюциям и к резолюциям военных министров и других лиц. Немногие же попытки составителя определить авторов анонимных резолюций повели к очень большим курьезам. Так, к всеподданнейшему докладу военного министра Чернышева от 4 января 1843 г.³ дано такое курьезное примечание редакции: „На этом докладе военного министра им же самим положена резолюция, содержание которой почти целиком воспроизведено в отношении его ген.-губернатору Западной Сибири от 4 января 1843 г. № 19, почему она и не воспроизводится здесь“. Понятно, что военный

¹ Изложенная далее характеристика археографических приемов издания основана на сравнении нескольких использованных Серебrenиковым дел Военно-учебного архива и б. архива Министерства иностр. дел с напечатанными в „Сборнике“ текстами.

² За исключением дат получения документов, которые отмечаются систематически.

³ Сборник, т. IV, ч. II, № 2 — ср. с делом ЦВИА, ВУА, № 1201.

министр никак не мог положить свою резолюцию на всеподданнейшем докладе: на документе мы имеем изложение резолюции Николая I, сделанное рукою директора канцелярии военного министра генерал-майора Анненкова. Вот второй пример полной беспомощности составителя в воспроизведении и определении резолюций.¹ После рапорта оренбургского военного губернатора Обручева военному министру Чернышеву от 12 июля 1843 г. напечатано: „Резолюция. Получено сего 20 июля с нарочным казачьим офицером. Мне неизвестен полковник Бизянов, коему предполагается дать важное полномочие. Так как генерал Обручев отнесся о сем же предмете к вице-канцлеру, то не благоугодно ли будет отложить разрешение сего представления до свидания с графом Нессельродом. Подожду. 20 июля“. В этом напечатанном, как одна и неизвестно чья резолюция, тексте, резолюцией является написанное рукой Николая I слово „Подожду“ с датой: „20 июля“. Все остальное написано характернейшим почерком Чернышева и является отнюдь не резолюцией, а вопросом последнего к царю при докладе о рапорте Обручева. Очень неблагоприятно в „Сборнике“ с воспроизведением подписей, которые часто передаются неточно, а иногда и неверно (например, вместо „статс-секретарь К. Грот“ — „статс-секретарь Грейг“), есть неверные и неточные даты, не всегда правильно определены в заголовках отправители и адресаты документов (так, в заголовке к одному документу 1843 г. мелкий чиновник Оренбургской пограничной комиссии Григорьев назван председателем комиссии и спутан с известным ориенталистом В. В. Григорьевым, действительно бывшим председателем комиссии, но в более поздние годы). В легендах при указании номеров дел встречается очень много опечаток.² Справочного аппарата в „Сборнике“ нет. Таким образом археографическая сторона издания очень слаба, и, пользуясь им, надо иметь в виду возможность неточностей и ошибок.

Подробный разбор „Сборника“ показал, что он не удовлетворяет требованиям советского историка — ни со стороны содержания, ни со стороны археографического оформления. При таком положении вопрос о допечатании остающихся в рукописи томов „Сборника“ должен быть решен отрицательно. Но вместе с тем „Сборник“ пока остается самым обширным собранием документов по истории наступления на Среднюю Азию в XIX в. и борьбы против него и при том собранием, которое в некоторых своих частях, вероятно, незаменимо. Как я указывала выше, Серебренников обращался к местным архивам — Ташкента, Омска, Оренбурга, Верного. Архивы среднеазиатских республик очень пострадали в период гражданской войны — возможно, что многие

¹ Сборник, т. IV, ч. II, № 29 — ср. с делом ЦВИА, ВУА, № 1201.

² Нужно заметить, что дела Военно-ученого архива значатся в „Сборнике“ по старой нумерации, которая еще в дореволюционное время была изменена.

из документов, напечатанных в „Сборнике“, сейчас уже не могут быть найдены в подлиннике. Это заставит иной раз обратиться и к невышедшим томам „Сборника“ как к первоисточнику.

Если бегло продолжить обзор дореволюционных публикаций по истории Средней Азии (ограничивая этот обзор официальными документами русских архивов и не выходя за пределы XIX в.), то можно указать, кроме „Сборника“, только одну большую серию — томы „Актów Кавказской археографической комиссии“, которые издавались с 1864 по 1904 г. В „Актах“, охватывающих период с XVIII в. по 1866 г., напечатан ряд документов тифлиских архивов, которые отражают наступление на Среднюю Азию со стороны Кавказа и восточного берега Каспийского моря. Благодаря этому „Акты“ служат необходимым дополнением „Сборнику“, при составлении которого предполагавшийся обзор тифлиских архивов как раз не был осуществлен. Но для сотрудников Кавказской археографической комиссии центральной темой был Кавказ, и среднеазиатские мотивы занимают в огромных томах „Актów“ самое скромное место.

Среди других публикаций преобладают издания определенного типа: чаще всего это собрания документов, освещающих наиболее яркие моменты русской агрессии на Среднюю Азию и издававшиеся вскоре после самого события непосредственными участниками военных действий — иногда с прямой целью оправдать эти действия или их инициаторов. Так, в 1868 г. Д. И. Романовский — в 1866—1867 гг. военный губернатор Туркестанской области и непосредственный продолжатель черняевских завоеваний — издает свои „Заметки по средне-азиатскому вопросу“, в которых он оправдывает необходимость наступательных действий в Средней Азии и к которым дает в виде приложений более 150 страниц документов о военных событиях 1860—1867 гг. В 1882 г., в год смерти Скобелева, один из его почитателей издает собрание его приказов, которые в значительной степени относятся к деятельности Скобелева в Средней Азии — в Ферганской области в 1876—1877 гг. и в Закаспийском крае в 1880—1881 гг.¹ В 1915 г., к годовщине взятия русскими Ташкента, один из сподвижников Черняева — Н. Абрамов — печатает в „Военном сборнике“ и в „Военно-историческом сборнике“ серию публикаций: „Черняев. К туркестанским боевым юбилеям. 1865—1915“, имеющих целью оправдание действий Черняева в Средней Азии, подвергавшихся в свое время нападкам.² Участник хивинского похода 1873 г. генерал Н. И. Гродеков дает ряд относящихся к этому походу документов в своей книге „Хивинский поход 1873 г.“, вышедшей первым изданием в 1883 г. и вторым в 1888 г. Очень боль-

¹ Приказы генерала М. Д. Скобелева (1876—1882). Спб. 1882.

² Военный сборник, 1915, № № 1, 6—12; Военно-исторический сборник, 1915, № 2.

шое количество документов опубликовано тем же автором в его большом четырехтомном труде „Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.“ (СПб. 1883—1884) и т. д. Среди публикаций подобного рода исключением являются такие издания, как публикации семипалатинского краеведа Н. Я. Коншина (осевшего в Семипалатинске политического ссыльного), давшего ряд публикаций из местных архивов, публикаций очень неудовлетворительных с археографической стороны, но вызванных интересом к истории Казахстана и к причинам упорной борьбы его населения с русским правительством.¹

Говоря об изданиях документов официального происхождения, необходимо особо отметить публикации, которые носят несколько иной характер, чем указанные выше. На ряду с военным наступлением на Среднюю Азию, шло изучение захватываемых областей. В результате военных экспедиций, походов, рекогносцировок и дипломатических миссий отлагались материалы и записки описательного характера — военно-географические, статистические, этнографические, — составлявшиеся обычно офицерами Генерального штаба. Материалы подобного рода печатались как в официальных изданиях Генерального штаба, так и в различных специальных журналах, преимущественно в изданиях Русского географического общества, и представляют значительный интерес. Но, как показывает сохранившаяся в одном из дел Азиатского департамента² переписка помощника председателя Русского географического общества Литке с директором департамента Сенявиным об опубликовании в „Записках“ Общества „Описания хивинского ханства“ 1843 г. подполковника Данилевского, разрешение на печатание таких материалов давалось лишь при условии исключения мест, „неудобных для опубликования по политическим соображениям“. И при сличении рукописи „Описания“ с напечатанным в „Записках“ Общества за 1851 г. (т. V) текстом обнаруживается, что из рукописи действительно были выкинута все наиболее острые в политическом смысле фразы.

В задачи настоящей заметки не входит обзор публикаций документов частного порядка — писем, дневников, мемуаров, как и обзор публикаций документов, писанных на национальных языках. И то и другое требует специального рассмотрения, второе — и знаний востоковеда. Но понятно, что в условиях дореволюционного времени опубликование документов, исходивших от противной русской агрессии стороны или относившихся

¹ Н. Коңшин. Материалы для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900. То же в „Памятной книжке“ на 1902 г. Семипалатинск, 1901. То же в „Записках Семипалатинского подотдела Зап.-Сибирского отдела Русского географич. общ.“, вып. 1 и 2, 1903 и 1905.

² ЦАВП, МИД, 1—9, 1843 г., № 6 „По поводу записки подполковника Данилевского «Описание хивинского ханства» 1843 г.“

к ней критически, было или невозможно, или встречало большие затруднения.¹

Таким образом дореволюционная археография дает нам публикации, освещающие преимущественно военную сторону наступления на среднеазиатские области и подобранные с точки зрения агрессора. Между тем, в пореволюционное время сделано очень мало для замены этих публикаций новыми. Можно прямо сказать, что задача дать научное собрание документов по истории Средней Азии является одной из первоочередных задач советской археологии и советского востоковедения.

¹ Примером может служить судьба рукописи Ахмета Кенисарина, сына знаменитого Кенисары, об его отце и брате, султаны Садыке. Она была издана в 1889 г. в Ташкенте в русском переводе и в „обработке“ Е. Т. Смирнова, снабдившего ее примечаниями, которые должны были по возможности обезвредить ее антирусский характер („Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина; обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым“. Издание Сыр-дарьинск. обл. статистич. комитета. Ташкент. 1889).